

Телегид

Телевидение способствует раздуванию тщеславия

— Андрей, о вас говорят как о представителе журналистской династии. В детстве играли в журналиста?

— Неа, вообще не думал, что буду журналистом, потому что родители у меня не журналисты, а художники. А дядя, который сейчас так известен, тогда еще жил в Одессе. Но еще в школе я почувствовал, что мне понравилось писать тексты, и я подумал, что наиболее практичное применение этому будет в журналистике.

— Дядя помогал?

— Да, он принимал участие в моей судьбе на тот момент.

— Журналист сегодня — опасная профессия?

— Не могу сказать, что ощущаю какую-то опасность. Но если брать программу «Намедни» как пример журналистского коллектива, то нельзя сказать, что у нас абсолютно развязаны руки и мы можем делать все, что хотим.

— То есть есть какое-то давление со стороны власти?

— Нет, как такового вроде и нет. Я вообще занимаюсь своим сегментом, в котором никакого давления нету — социальными проблемами. Но когда речь идет о высокой политике, то я вижу по работе своих коллег, что определенное давление есть.

— Вы работаете в программе «Намедни». Многие с улыбкой замечают, что корреспонденты этой программы старательно копируют стиль Леонида Парфенова, даже его интонации.

— Смею надеяться, что у меня есть какой-то свой стиль. Но то, что парфеновский стиль существует, смешно отрицать. Я считаю, что это вообще лучшее, что есть сегодня на телевидении в смысле стиля и содержания. Но если взять мой сюжет 1995 года и сегодняшний, видно, что я именно так всегда мыслил и говорил. Разве что разговор стал пожирнее, побыстрее, но это пришло с опытом. Поэтому мне кажется, это некое такое удачное совпадение образа мыслей и видения того, как надо подавать материал.

— Вы как попали на НТВ? По рекомендации?

— Да.

— То есть простому смертному на НТВ не попасть?

— Ну почему же. К нам постоянно приходят какие-то ребята и пробуются. Лично я пришел на канал в качестве администратора: мыл чашки, бегал по поручениям корреспондентов за кассетами на вокзал. Присмотрелся, предложил какие-то идеи, и пошло поехало.

— Какие отношения между корреспондентами? Конкуренция?

— Нет, у нас очень хороший коллектив — я серьезно. Люди все очень достойные. Вообще на НТВ, несмотря на то, что нас страшно лихорадит, отношения удивительные.

— Леонид Парфенов отсматривает сюжеты?

— У меня нет. У других иногда да. Он даже тексты мои не читает, потому что я их очень поздно сдаю, — улыбается Андрей. — Есть пока некий лимит доверия, не знаю, насколько его хватит.

— Он строгий начальник?

— Нет. Хотя некоторым может показаться, что это его минус как начальника.

— Темы вы сами выбираете?

— Это коллективный процесс. Чаще всего получается пятьдесят на пятьдесят. К слову, каждую неделю я делаю новый сюжет. К примеру, сейчас еду в Аджарию, о которой, признаюсь честно, вообще ничего не знаю. Знаю только, что там вечные субтропики, и то я в этом не уверен.

— Зачем же едете?

— Ну вроде как ее на прошлой неделе лихорадило, сейчас, говорят, успокоилось. Так часто бывает: поначалу я не всегда понимаю, что делаю. Вот нет у меня времени, сестра, почесать голову и понять, что же такое Аджария. Но к концу недели понимание обязательно должно прийти.

— А бывает так, что начальство снимает ваш сюжет?

— Нет, такого не бывало.

— Вы — удивительный корреспондент: тексты ваши не правят, сюжеты с эфира не снимают.

— Нет, достаточно часто, конечно, бывают плохие сюжеты. Но не до такой степени, чтобы снимать с эфира.

— А вы всегда собой довольны?

— Никогда не доволен.

Телеканал НТВ по праву считается кузницей репортерских кадров. Наверное, во многом благодаря именно профессиональной работе репортеров информационные программы НТВ до сих пор сохраняют высокие рейтинги. Каково это — быть репортером? Кто придумывает тематику сюжетов? Существует ли на НТВ внутренняя цензура? Обо всем этом мы расспросили Андрея Лошака — журналиста НТВ, лауреата престижной телевизионной премии «ТЭФИ» в номинации «Лучший репортер 2003 года»

— Несовпадение желаний начальства с вашими бывает?

— Мое начальство — это Леонид Парфенов. Я не могу сказать, что у меня с ним отношения начальника-подчиненного. Может быть, это иллюзия такая, но мне кажется, что у нас партнерские отношения. Существует «понадельщина»: я должен раз в неделю выдать сюжет, поэтому я могу долго выбирать, ворочать нос, но к среде у меня уже нет выбора, а в четверг я должен начать снимать, потому что иначе будет ЧП.

— Вы учились на факультете журналистики в МГУ. Большое несовпадение того, чему вас там учили, и того, что вы сейчас делаете?

— К сожалению, профессии там вообще не учат. Не знаю, может быть, я так умудрился прогулять все спецкурсы, но те, на которых я оказывался, отбивали желание посещать остальное. Я говорю о том, что было десять лет назад, когда я учился. Может быть, сейчас они там все изменили. Причем я учился на газетном отделении, на телевидение попал совершенно случайно. Они дают неплохое базисное гуманитарное образование. Единственный был положительный опыт, когда я уже работал в «Намедни», — на полгода поехал в Голландию в медиа-школу. Там ничему вообще не учили, просто дали комкордер: такой чепуховатый железный, в нем камера, штатив, микрофон, кассеты, аккумуляторы. И сказали: «Иди, снимай». Я всему так и научился — монтажу, съемке.

— То есть вы можете сами снимать?

— Нет, конечно. Но иногда хочется, потому что очень трудно передать свое видение оператору. Это самое сложное в нашей профессии: ты не самостоятелен, ты зависишь от того, в каком настроении проснулся оператор, куда он в этот момент посмотрел.

— А как сформировался ваш собственный стиль?

— Да я даже не уверен, что он у меня есть. Вообще я никогда не думал, что буду работать в кадре. Мне настолько это всегда было неинтересно. Мне и сейчас не очень интересно, но дает о себе знать привычка. Есть законы жанра:

— Прошла информация, что у канала НТВ сменился инвестор. Это как-то влияет на вашу работу?

— Понятия не имею об инвесторах. У меня свой маленький участок, а что творится с инвесторами, мне все равно.

— Вам неинтересно?

— Не очень. В какой-то момент это может меня занимать в силу обстоятельств, как это было прошлой весной, когда «Намедни» ушло в вынужденный отпуск. Но в принципе за все время пребывания нового гендиректора я его от силы раз пять видел в коридоре. Поэтому меня это никак не касается.

— Сестра ваша как попала на НТВ? Вы привели?

— Нет, она ужасно самостоятельная девушка. Ее не надо куда приводить — она сама куда хочет придет.

— А вы ее сюжеты смотрите?

— Когда новости смотрю, да. Она очень продуктивный человек. Конечно, не все она делает идеально: это невозможно, когда снимаешь по несколько сюжетов в день. — На Западе с корреспондентами канала работают стилисты, имиджмейкеры...

— Со мной никто не работает. И скажу вам по секрету, стилисты на НТВ работают только с ведущими.

— А что все-таки нельзя надевать, когда ты в кадре?

— Все зависит от того, о чем ты делаешь сюжет. На прошлой неделе я делал сюжет про двадцатилетних. И совершенно не сознательно был небрит. Я хотел создать контраст между двадцатилетними и моим поколением.

— А как сформировался ваш собственный стиль?

— Да я даже не уверен, что он у меня есть. Вообще я никогда не думал, что буду работать в кадре. Мне настолько это всегда было неинтересно. Мне и сейчас не очень интересно, но дает о себе знать привычка. Есть законы жанра:

в сюжете должен присутствовать стэнд-ап, надо засветиться, иначе подумают, что все сделано на чужой картинке. Но мне всегда это казалось очень натянутым, потому что если ты делаешь сюжет из «горячей» точки, здесь уместен так называемый стиль Би-би-си: когда человек прячется за БТР с микрофоном, а над ним свистят пули. Но когда это сюжеты из мирной жизни, что чаще всего и происходит в моем случае, это выглядит натянуто. Это всегда проблема: как в сюжет про двадцатилетних впихнуть себя? Приходится что-то придумывать — отрашивать пятнадцатилетнюю шетину, изображать жертву поколения транспоттинга.

Вообще телевидение способствует раздуванию тщеславия, которое в принципе живет в любом человеке. А стэнд-ап — это момент тщеславия. Я иногда не делаю стэнд-апы, когда кажется, что это будет уже слишком. Но потом смотришь и думаешь: «Черт, а на этой неделе я не засветился. Наверное, это неправильно».

— На улицах узнают?

— Очень редко и в основном когда я с камерой. Вслед начинают кричать: «О, Иван Лошак пошел». То есть узнают, но неправильно, — смеется Андрей.

— Вам нравится популярность?

— Есть имя среди коллег по цеху. Это приятно — чувствовать некий респект. А популярности никакой нет. Это смешно — появляться раз в неделю на 8 минут и ждать популярности. Я думаю, это еще впереди.

— Через десять лет вы себя видите корреспондентом?

— Ну, если честно, не хотелось бы.

— Вам все время приходится ездить по миру. Нравится или уже раздражает?

— Первое время ужасно нравилось. Вот я потому и говорю, что через десять лет вряд ли буду корреспондентом: подустал уже. Все эти безумные смены климатических поясов, картинок, языков раньше страшно воодушевляли. А сейчас это превращается в какую-то рутину. Когда ты каждую неделю во вторник, условно говоря, в аэропорту, это напрягает. Вот я сейчас две недели работал в Москве — просто отдыхал, виделся с друзьями, сходил в кино на «Мечтателей».

— А вообще в кино часто ходите?

— Стараюсь как можно чаще. Я вообще киноман. Очень люблю музыку. Обожаю искусство, книги. Какое-то удачное осмысление действительности в художественной литературе, в выдуманном мире меня очень вдохновляет. Это, наверное, редкость для корреспондента, который работает ис-

ключительно с реальностью. А я прямо не знаю, как бы жил без искусства.

— А по телевизору что смотрите?

— Сейчас скажу крамольную вещь, но я телевизор практически не смотрю. Честное слово. Перед сном обязательно смотрю «Евроньюс», у меня дома «Космос ТВ», обязательно смотрю документальные проекты «Би-би-си-орид» и «Би-би-си-прайм». Пожалуй, что все.

— Эталон журналиста есть у вас?

— Ну, наверное, можно догадаться. Пока лучше Парфенова никого нет. Наверное, уже пора кому-нибудь появиться, но что-то ни у кого не получается.

— Кто ваш самый строгий зритель?

— Наверное, он же.

— А родители?

— Если их слушать, можно уже уходить на пенсию и почивать на лаврах. Они абсолютно не строгие судьи. Они у меня вообще далеко — живут в Германии. Наверное, положительная сторона работы в кадре — они могут меня видеть каждую неделю.

— Вы рассказываете социальные истории. Выстраиваете стену между собой и героями?

— Нет, я считаю, что как раз очень важен момент импатии, то есть сопереживания. Мой подход именно в сопережива-

нии, что требует эмоциональных сил. Почему я немного подустал: ведь невозможно сопереживать регулярно. Но именно благодаря эмоциональному взаимодействию получаются какие-то удачные вещи. Конечно, при этом нельзя потратить объективность, но попытка влезть в шкуру другого человека должна быть.

— Люди, с которыми приходится общаться, всегда легко идут на контакт?

— Как раз наоборот. Мы уже не страна испуганных идиотов, как это было недавно. Люди уже понимают, что из себя представляют масс-медиа, что мы спекулируем какими-то вещами. На Западе с этим совсем беда — там журналисты довели ситуацию до того, что каждый раз это стена, которую надо разрушать. В глубинке проще, в Москве и Питере уже не доверяют журналисту.

— Что еще вы боитесь в профессии?

— Наверное, как и вы, как и любой журналист, отката в прошлое в политическом смысле. Это слишком связано с нашей профессией. У меня нет стопроцентной уверенности, что этого не будет.

— Голосовать ходили?

— Нет, причем сознательно. Я раньше ходил, когда думал, что это на что-то влияет. А сейчас... просто нет смысла.

Алина РЕБЕЛЬ